

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930(470)

doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.55-66

**ЖЕНЩИНЫ-УЧЕННЫЕ В ПРОСТРАНСТВЕ
СОВЕТСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
20–30-х ГОДОВ XX ВЕКА**

О.В. Метель

*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, 125993, Россия
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, 644077, Россия*

Аннотация

Статья посвящена анализу проблемы «женского присутствия» в советских академических учреждениях исторического профиля 20–30-х годов XX в. Исследование проведено с целью показать роль женщин-историков в организации и проведении научных изысканий в профильных учреждениях Академии наук СССР и иных советских академий (ГАИМК, Коммунистическая академия). На основе результатов исследования сделан вывод, что процесс «вхождения» женщин-историков в пространство отечественной академической науки являлся непростым и первоначально был связан с ее «коммунистическим сектором». Активное включение женщин-историков в работу институтов Академии наук началось в 30-е годы XX в., когда в условиях трансформаций «академического сектора» женщины приобрели более устойчивые позиции в Институте истории АН СССР и в ЛОИИ.

Ключевые слова: советская наука, женщины-ученые, Академия наук СССР, Институт истории АН СССР, Ленинградское отделение Института истории, советские историки

Введение

Проблема присутствия женщин в пространстве отечественной науки не нова: и в советское время, и в постсоветский период она не раз становилась объектом пристального внимания со стороны специалистов, стремившихся выделить различные формы участия женщин-ученых в процессе производства научного знания и показать их вклад в развитие отдельных исследовательских областей и научных дисциплин [1–5]. Общим местом большинства подобных работ было указание на то, что радикальное изменение положения «научных сотрудниц» в структуре российской науки стало возможным лишь после Октябрьской революции, когда советское правительство провозгласило курс на активное включение женщин в профессиональную деятельность, тем самым сделав возможным построение бывшими «ученицами» и «почитательницами» [2, с. 8] собственной карьеры в системе науки и высшего образования. Однако, как показала в своем недавнем исследовании Е.А. Долгова, процесс «вхождения» женщин-ученых в научную корпорацию не был легким: несмотря на рост числа «ученых дам» в первые послереволюционные годы, их статусные позиции в целом были невысоки,

и нередко, особенно в области естественных наук, «научные сотрудницы» все еще играли роль «молчаливых» ассистенток в различных лабораториях [5, с. 145–146].

В рамках настоящей статьи мы хотели бы продолжить анализ проблемы «вхождения» женщин в мир «мужской науки» в СССР в первые послереволюционные десятилетия, избрав, однако, иной ракурс рассмотрения данной темы. Так, в отличие от исследований последних лет, мы сосредоточим свое внимание на изучении «форм присутствия» женщин-ученых в пространстве отдельной дисциплинарной области, существенно ограниченной к тому же в институциональном разрезе. Речь идет о советской академической исторической науке 20–30-х годов XX в., представленной преимущественно московскими и ленинградскими научно-исследовательскими центрами (структуры Академии наук 20-х годов, Государственная академия истории материальной культуры, Институт истории Коммунистической академии, Институт истории Академии наук СССР и др.).

Женщины-ученые в советских академических структурах исторического профиля в 20–30-х годах XX века

Как было отмечено нами ранее, к 1917 г. положение женщин в структуре отечественной исторической науки во многом было неустойчивым, и даже получение ими ученых степеней не гарантировало «ученым дамам» не только приобретения высоких статусных позиций, но даже и формального трудоустройства «по специальности» в соответствии с полученной квалификацией. Пример О.А. Добиаш-Рождественской, избранной в 1915 г. приват-доцентом Петроградского университета, вряд ли можно рассматривать в качестве типичного для выпускниц Высших женских курсов, продемонстрировавших «склонность» и «вкус» к научной работе [6, с. 85–143]. В то же время «освобождение женщины» в ходе Октябрьской революции и радикальная демократизация научно-образовательной сферы в первые послереволюционные годы не могли в столь короткие сроки коренным образом изменить сложившуюся ситуацию и резко увеличить число историков – «исследовательниц» в научных центрах Советской России. Если говорить языком сухих цифр, то, согласно официальным данным, в 1926 г. в структурах исторического профиля Академии наук СССР, находившейся тогда еще в Ленинграде, мы насчитываем чуть больше 10 «исследовательниц», занимавших преимущественно скромные должности научных сотрудников (Т.С. Пассек, А.Е. Глускина, Л.Э. Каруновская, Т.А. Корвин-Круковская), сотрудников (А.А. Гельвих, М.А. Островская), лаборантов (Е.П. Эмме), рисовальщиц (С.И. Юнкер-Крамская) и др. (НиИР, с. 9, 17, 35) (в скобках заметим, что штат библиотеки Академии наук в том же году был на 40% укомплектован женщинами, трудившимися в том числе и на руководящих должностях (НиИР, с. 3–5)). Единственным заведующим отделом в этом списке была обозначена сотрудник Музея антропологии и этнографии Л.А. Мерварт (1888–1965) (НиИР, с. 17), а также [7, с. 60].

Чуть больше «исследовательниц» было представлено в Государственной академии истории материальной культуры (далее – ГАИМК), насчитывавшей в середине 20-х годов, согласно официальным данным, примерно 20 женщин (при общем числе работников около 120 человек), занимавших должности научных сотрудников (О.А. Добиаш-Рождественская, М.Э. Матье, Н.Д. Флиттнер,

Т.А. Бороздина, Н.С. Платонова и др.) и ассистентов (К.В. Тревер, Е.Ч. Скржинская, М.А. Тиханова и др.) (НиИР, с. 87–90).

Положение этих женщин в структуре научной корпорации было различным. Так, если представительницы старшего поколения историков (О.А. Добиаш-Рождественская, Н.Д. Флиттнер, М.А. Островская и др.) в 20-е годы смогли несколько упрочить свои позиции, получив возможность вести самостоятельную научно-исследовательскую деятельность и даже готовить научную смену, то недавние выпускницы вузов (Т.С. Пассек, А.Е. Глушкина, Е.Ч. Скржинская, М.А. Тиханова и др.), приглашенные для работы в Академию наук или в ГАИМК своими научными руководителями, пока еще делали только первые шаги на научном поприще, принимая участие в коллективных научных проектах своих учреждений. К примеру, М.А. Тиханова и Е.Ч. Скржинская, ученицы О.А. Добиаш-Рождественской, ставшие в начале 20-х годов сотрудницами ГАИМК, занимались, согласно отчету своего научного руководителя, совместно с ней «регистрацией и исследованием предметов западного быта и искусства в музеях Гос. Эрмитажа, б. Штиглица и Шуваловского» [8, с. 205].

Не было кардинальных отличий в положении женщин-ученых в 1920-е годы и в научно-исследовательских учреждениях Москвы. И даже в Коммунистической академии, призванной, по замыслу своих создателей, стать академией совершенно нового типа [9, с. 274], «гендерный вопрос» решался весьма консервативно, и в 1919 г. в составе ее действительных членов оказались лишь две представительницы новой «социалистической мысли» – А.М. Коллонтай и Н.К. Крупская [10, с. 32]. Несколько больше «исследовательниц» по прошествии 6 лет вошло в ряды действовавшего при Комакадемии Общества историков-марксистов, к 1928 г. насчитывавшего около 20 женщин – «марксисток» (Р.А. Авербух, А.В. Лепешинская, Б.Б. Граве, Е.В. Кривошеина и др.) (АРАН 1), из которых, правда, только одна, А.М. Панкратова, ученица М.Н. Покровского по Институту красной профессуры, была избрана кандидатом в члены Совета Общества (Деят.Об. с. 320).

Объясняя причины столь ограниченного присутствия женщин-ученых в московских и ленинградских академических учреждениях исторического профиля первых послереволюционных лет, необходимо обратить внимание на несколько важных моментов. С одной стороны, вовлечению «исследовательниц» в работу этих центров препятствовали общие настроения внутри научной корпорации, члены которой нередко стремились сохранить еще дореволюционные стандарты исследовательской деятельности [5, с. 149]. Одновременно расширение «женского присутствия» в советских научных институтах тормозили и экономические обстоятельства, когда в условиях безработицы предпочтение при трудоустройстве отдавалось мужчинам (Штак., с. 56). И наконец, не стоит оставлять без внимания тот факт, что к концу 20-х годов при сохранявшемся неравном представительстве мужчин и женщин в советских вузах (в 1925 г. на ФОНе I МГУ доля студенток не превышала 36% [11, с. 252]) количество «исследовательниц» росло медленно и составляло, согласно официальной статистике, около 20% от общего числа научных работников, в том числе и в рамках «прогрессивного» «коммунистического сектора» (Стат.сб., с. 98; ГА РФ 1).

Табл. 1

Динамика кадров женщин-ученых в Институте истории РАНИОН и Институте истории Коммунистической академии в конце 20-х – первой половине 30-х годов XX в.

	Действительные члены	Научные сотрудники		Руководящие работники
Институт истории РАНИОН				
1924	1	3		
1927	1	5		
Институт истории Коммунистической академии		старшие	младшие	
1930	1	6	1	
1935		6	2	1

Кадры женщин-историков в советских академических учреждениях первой половины 30-х годов XX века

Изменение положения женщин в структуре советской академической исторической науки произошло на рубеже 20–30-х годов XX в., когда на волне «культурной революции» и кардинальной перестройки «научного фронта» в научно-исследовательских институтах и академиях СССР начались «кадровые чистки». Наиболее заметным «приток женщин в науку» был в институциях «коммунистического сектора», среди которых, в частности, отчетливо выделялся Институт истории Комакадемии, включенный в 1929 г. в состав последней из Российской ассоциации научно-исследовательских институтов (далее – РАНИОН) и в первой половине 30-х годов претендовавший на статус главного исследовательского учреждения исторического профиля в стране. Так, согласно официальным отчетным документам, в 1933 г. доля женщин в секторах этого центра достигала 50% (АРАН 2), а их статусные позиции были относительно устойчивыми (табл. 1). Недаром, согласно штатному расписанию на 1 октября 1930 г., «женские фигуры» были обозначены в числе действительных членов (1 женщина из 7 человек) и старших научных сотрудников Института (6 женщин из 19 человек) (АРАН 3), а в последующие годы женщины не только возглавляли его отдельные научные подразделения (А.М. Панкратова, К.А. Польш и др.), но и руководили изданием официальных печатных органов Комакадемии (А.М. Панкратова).

Подобные изменения кадрового состава Института истории Комакадемии, особенно заметные по сравнению с Институтом истории РАНИОН конца 20-х годов (табл. 1), на наш взгляд, находят свое объяснение в особенностях кадровой политики «комакадемического» руководства. Предъявляя специфические требования к научной квалификации своих сотрудников, которым надлежало продемонстрировать не столько навыки научно-исследовательской деятельности, сколько «правильную» биографию и приверженность марксизму, «комакадемический» Институт истории допускал в свои ряды как тех сотрудниц, кто имел профильное образование и успел зарекомендовать себя в качестве самостоятельного исследователя (Р.А. Авербух, М.В. Нечкина), так и выпускниц Института красной профессуры (далее – ИКП), ранее находившихся на «партийной работе» (Е.П. Кривошеина, Е.Я. Дрabbкина и др.).

Для того чтобы представить облик новых научных сотрудниц Комакадемии, реконструируем основные этапы жизненного пути К.А. Поль (настоящее имя – Л.А. Рабинович), пришедшей на научную работу в Институт истории в 1933 г. и выполнявшей в его стенах обязанности ученого секретаря и руководителя группы по изучению послевоенного империализма. Слушательница Высших женских (Бестужевских) курсов (1912 г.) и Петроградского университета (1914 г.), числившаяся с 1916 г. членом Бунда, до революции К.А. Поль преподавала в гимназиях в Полтаве и Екатеринославле, одновременно осуществляя педагогическую деятельность на вечерних курсах для рабочих (АРАН 4; ГА РФ 2). Вступив в 1919 г. в большевистскую партию, она практически сразу волилась в ряды преподавателей курсов политграмоты, получив вскоре направление на работу в компартиях Германии и Франции (ГА РФ 2). Вернувшись в 1926 г. в СССР, К.А. Поль стала слушательницей ИКП, а затем вошла в число научных сотрудников Института К. Маркса и Ф. Энгельса и Института истории Комакадемии, взяв на себя функции руководства наиболее важным участком «исторического фронта», связанным с изучением «послевоенного империализма» (Ин.Ист., с. 157). Схожими были биографии и ее новых коллег: бывшего преподавателя политграмоты в партийной школе г. Омска Е.П. Кривошеиной, «профессиональной революционерки» Е.Я. Драбкиной, бывшей «икапистки» О.Н. Чаадаевой и др.

Увеличение числа женщин-ученых в составе «комакадемических» институтов сопровождалось и их активным включением в научно-исследовательскую деятельность подразделений этих институтов: наравне с коллегами-мужчинами они занимались подготовкой научных и учебных изданий (ОИП; Раб.нУч.), выступали с докладами и участвовали в прениях в рамках различных дискуссий (Диск., с. 106–109; АРАН 5; АРАН 6). Недаром в 1931–1935 гг. в журналах «Историк-марксист» и «Борьба классов» около 10% статей и рецензий принадлежало именно «авторкам», а А.М. Панкратова, как ответственный редактор «Борьбы классов», неоднократно выступала с «передовицами» на страницах данного издания (Панк.). О практике реальной вовлеченности женщин-ученых в повседневную научную работу Института истории Коммунистической академии могут свидетельствовать и деловые дневники М.В. Нечкиной, фиксировавшие как постоянные заседания различных комиссий, проходивших с ее участием, так и общее число «поручений», возлагаемых дирекцией на своих сотрудниц (Дневники, с. 290, 294–295, 317).

Однако если московский «коммунистический сектор» советской академической исторической науки в первой половине 30-х годов развивался при непосредственном участии и даже руководстве исследовательниц – «марксисток», то положение женщин в ленинградских научных учреждениях было несколько иным. С одной стороны, радикальные «кадровые чистки» и организационные трансформации Академии наук СССР, направленные на ее превращение из «ковчега для бывших» [12, с. 171–172] в «комбинат научных учреждений», непосредственно связанных с практикой соцстроительства (Волг., с. 8), не могли не привести к «обновлению» кадрового состава академических центров, предполагавшему увеличение удельного веса их «марксистской прослойки». Но, с другой стороны, положение женщин-исследовательниц в их стенах радикально не изменилось и к руководству «научным фронтом» они допущены не были. Недаром в 1932 г.

количество научных сотрудниц Историко-археографического института не превышало 2 человек и в последующие годы увеличивалось относительно медленными темпами (СПбФ АРАН). Более того, даже привлекавшиеся для работы исследовательницы зачастую выполняли лишь технические поручения. Схожей была ситуация и в ГАИМК, потерявшей в ходе «чистки» 1930 г. существенную часть прежних «неблагонадежных» сотрудников, среди которых были и «ученые дамы» (например, М.А. Тиханова и Е.Ч. Скржинская).

«Гендерный вопрос» в Институте истории АН СССР в довоенный период

Нормализация «женского присутствия» в рамках «академического сектора» советской исторической науки, на наш взгляд, окончательно произошла во второй половине 30-х годов, когда были объединены Академия наук и Коммунистическая академия и образован единый Институт истории АН СССР, располагавшийся в Москве и имевший самостоятельное отделение в Ленинграде (далее – ЛОИИ) [9, с. 277]. Доля женщин в рамках этих структур была достаточно заметной: по данным на 1938 г. и в Москве, и в Ленинграде научные сотрудницы составляли около 30% от общего числа работников (АРАН 7, л. 16), и в дальнейшем этот показатель обнаруживал тенденцию к постепенному росту. Безусловно, и их квалификация, и закрепленные за ними функции были различны (табл. 2), и нередко младшие научные сотрудницы были заняты сугубо технической работой и даже состояли секретарями при мужчинах-академиках. Так, Л.В. Шеншина, имевшая сложную биографию, в довоенные годы вела переписку Е.В. Тарле и помогала ему в подборе архивных материалов [13, с. 318]. Однако всё же большинство женщин-историков, особенно в Москве, занимали более высокие позиции и выполняли весьма ответственные «поручения». Во всяком случае, в 1936–1939 гг. обязанности ученого секретаря Института истории АН СССР были возложены сначала на Ц.Я. Шапиро, а потом на Ф.А. Хейфец. Последняя к тому же принимала активное участие в подготовке первого советского учебника по новой истории для вузов, получив за эту работу даже степень кандидата исторических наук без защиты диссертации (АРАН 7, л. 1 об.). А ее коллега по сектору, Э.А. Желубовская, хотя и была вынуждена, в отличие от Ф.А. Хейфец, все-таки выйти на защиту кандидатской диссертации, координировала подготовку X тома «Всемирной истории» – ключевого коллективного проекта историков Академии наук второй половины 30-х годов XX в.

Сказанное, однако, отнюдь не означает, что в довоенный период «женский вопрос» был совершенно снят и в Институте истории Академии наук СССР, и в ЛОИИ. Так, именно в это время отчетливо заявил о себе тот «статусный разрыв», который был характерен и для позднесоветской науки и находил свое выражение в том, что среди докторов наук и академиков женщин было гораздо меньше, чем среди кандидатов наук или «неостепененных» сотрудников [14, с. 229]. В данной связи весьма показателен пример Ленинграда, где даже к 1973 г. увеличение доли женщин в структуре научного сообщества до 48% не сопровождалось ростом их «остепененности»: степень доктора и кандидата наук имели не более 20% и 36% «научных работниц» соответственно [1, с. 44]. Если же вернуться к довоенным временам, то в московском Институте истории АН СССР проявления подобного «статусного неравенства» находили свое выражение

Табл. 2

Основная характеристика женщин – научных сотрудников Института истории АН СССР и ЛОИИ в 1939 г.

	Институт истории АН СССР	Ленинградское отделение Института истории
Число женщин – научных сотрудников:		
старших	15	4
младших	14	6
Образование:		
Высшие женские курсы, университет	12	4
Советский вуз, ИКП	17	6
Партийность:		
ВКП(б)	13	1
Беспартийные	16	9
Научная специальность:		
История СССР	12	6
Всеобщая история	17	4

хотя бы в том, что ни одна женщина в этот период не занимала должность заведующего сектором, а в некоторых секторах число женщин-сотрудниц было в несколько раз меньше, чем число сотрудников-мужчин. К примеру, в составе сектора истории СССР советского периода в 1939 г. из 13 сотрудников были обозначены 4 женщины, в секторе истории СССР до XIX в. – только одна, Е.Н. Кушева, а в секторе истории колониальных и зависимых стран и вовсе ни одной (АРАН 8). В Ленинграде эти показатели были сопоставимы, а наибольшее число сотрудниц (4) насчитывалось в секторе истории СССР XIX – XX вв. (АРАН 9). В Москве же, наряду с сектором той же специализации, наиболее «женским» оказался сектор новой истории, в состав которого, помимо названных нами ранее Ф.А. Хейфец и Э.А. Желубовской, входили также Р.А. Авербух, Т.В. Милицина, З.К. Эггерт и др. (АРАН 9).

Мы полагаем, что подобные особенности в положении, занимаемом женщинами в секторах Института истории АН СССР и ЛОИИ, можно объяснить следующими обстоятельствами. Необходимо учитывать, что система подготовки кадров в СССР в довоенный период была только «запущена» и в 1939–1941 гг. вчерашние выпускницы первых наборов истфаков успели лишь поступить в аспирантуру. Поэтому основными «игроками» на научном поле и конкурентами для коллег-мужчин пока еще оставались «ученые дамы» старшего поколения, закончившие или дореволюционные учебные заведения (Императорские университеты, Высшие женские курсы и др.), или первые советские вузы (ФОНы университетов, ИКП, комвузы и др.) (см. табл. 2). Недаром средний возраст сотрудниц Института истории Академии наук СССР (как и ранее Института истории Комкадемии) существенно превышал 30 лет. Однако, как мы неоднократно говорили ранее, число таких женщин-историков было невелико, а в условиях репрессий оно и вовсе демонстрировало тенденцию к сокращению, и, следовательно, их вовлечение в работу институтов наталкивалось на «естественные ограничения», которые к тому же усугублялись тем, что их коллеги-мужчины имели более

серьезный вес в научном сообществе и, как результат, более высокие шансы на трудоустройство. Вероятно, именно поэтому во второй половине 30-х годов процессы «феминизации» коснулись преимущественно советской новистики, которая наиболее пострадала в ходе репрессий и лишилась не только мужчин – руководителей (Н.М. Лукин и др.), но и «рядовых бойцов» (В.М. Далин и др.). Наконец, говоря об особенностях построения женщинами академической карьеры и в довоенный, и в послевоенный периоды и упоминая феномен «зеркального потолка», с которым они при этом нередко сталкивались, мы не можем не принять во внимание тот «консервативный поворот», который произошел в СССР в середине 30-х годов XX в. и привел к изменению положения женщины в семье. В результате, если в 20–30-е годы институт домашних работниц и общий стиль воспитания детей, делавший нормативным их раннее и иногда длительное разлучение с матерями, позволял женщинам уделять больше внимания профессиональной деятельности, то в последующие годы бытовые хлопоты и уход за детьми нередко становились именно женской заботой, которая отнимала много сил и времени и препятствовала быстрому карьерному росту [15].

Заключение

Подводя итог сказанному выше, мы можем отметить, что процесс «вхождения» женщин в отечественную академическую историческую науку был сложным и неоднозначным. Начиная свой путь в первые послереволюционные годы преимущественно в качестве «учениц» и «последовательниц», принимавших участие в коллективных научных проектах, советские «ученые дамы» стали полноценными «игроками» в рамках поля советской науки лишь в 30-е годы, сначала в учреждениях «коммунистического сектора», а затем в масштабах «советизированных» академических структур. Однако их «присутствие» в академических центрах все же было связано с некоторыми особенностями, нашедшими свое отражение в «статусном разрыве» между *сотрудниками* и *сотрудницами*, заключавшемся в том, что последние реже получали степень доктора наук и звание академика и занимали руководящие должности. Этот «зеркальный потолок» не был сугубо советским явлением, и на первых порах его существование было во многом связано с особенностями положения женщин в науке в дореволюционной России, однако «нормализация» данного явления в позднесоветском обществе уже не может быть объяснена исключительно научными факторами и требует учета внешнего контекста – особенностей повседневной жизни советских женщин и их роли в семейно-брачных отношениях.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 20-78-10095.

Источники

НиИР – Наука и научные работники СССР: справочник: в 4 ч. / Под ред. С.Ф. Ольденбурга, Е.Ф. Карского. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926. – Ч. 2: Научные учреждения Ленинграда. – 406 с.

- АРАН 1 – Архив Рос. акад. наук (АРАН). Ф. 377. Оп. 1. Д. 28: Списки действительных членов и членов-корреспондентов О-ва Историков-марксистов и его секций. – Л. 95.
Деят.Об. – Из текущей деятельности Общества // Историк-марксист. – 1926. – № 1. – С. 320.
- Штак. – *Штакельберг Н.С.* «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In memoriam: Ист. сб. памяти Ф.Ф. Перчѐнка. – М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1995. – С. 19–86.
- Стат.сб. – Женщина в СССР: Стат. сб. / Под ред. И.А. Краваля. – М.: ЦУНХУ Госплана СССР; в/о Союзторгучет, 1936. – 171 с.
- ГА РФ 1 – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-3415. Оп. 2. Д. 10: Разная переписка. – Л. 39.
- АРАН 2 – АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 239: Статистические сведения по учету кадров Института истории Комакадемии на 1933 г. – Л. 3, 11.
- АРАН 3 – АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 57: Штатное расписание Института истории Комакадемии на 1930–1931 гг. – Л. 8.
- АРАН 4 – АРАН. Ф. 1577. Оп. 7. Д. 17: Документы по личному составу научных сотрудников и аспирантов Института. – Л. 73.
- ГА РФ 2 – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 281: Личное и академическое дело слушателя Поль К.А. – Л. 7.
- Ин.Ист. – В Институте истории Коммунистической академии // Историк-марксист. – 1934. – № 4. – С. 157–159.
- ОИП – Очерки истории пролетариата СССР: Пролетариат царской России / Под ред. А.М. Панкратовой. – Москва: Огонек, 1931. – 320 с.
- Раб.нУч. – О работе над учебником по новой истории // Историк-марксист. – 1935. – № 4. – С. 87–107.
- Диск. – Дискуссия о германской социал-демократии // Историк-марксист. – 1930. – № 18–19. – С. 83–148.
- АРАН 5 – АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 70: Стенограмма доклада и прений по докладу, тезисы доклада Б.Б. Граве «Правые ликвидаторы в годы реакции и подъема». – Л. 1–107.
- АРАН 6 – АРАН. Ф. 359. Оп. 2. Д. 236: Стенограмма доклада и прений по докладу М.В. Нечкиной «Принципы построения исторического учебника для средней школы» на заседании Института истории Комакадемии. – Л. 1–77.
- Панкр. – *Панкратова А.М.* Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР // Борьба классов. – 1934. – № 2. – С. 1–27.
- Дневники – «...И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной / Отв. ред. Е.И. Пивовар. – М.: РГГУ, 2013. – 824 с.
- Волг. – *Волгин В.П.* Перспективные планы Академии наук СССР // Планирование науки и задачи Комакадемии и Академии наук: доклады В.П. Волгина, И.М. Губкина, Э.Я. Кольмана. – М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1931. – С. 3–10.
- СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Рос. акад. наук. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1269: Штаты, списки личного состава. – Л. 23.
- АРАН 7 – АРАН. Ф. 1577. Оп. 7. Д. 12: Протокол заседания квалификационной комиссии сектора новой истории и списки сотрудников Института. – Л. 1 об., 16.
- АРАН 8 – АРАН. Ф. 1577. Оп. 7. Д. 14: Списки сотрудников и аспирантов Института. – Л. 101, 103, 106.
- АРАН 9 – АРАН. Ф. 1577. Оп. 7. Д. 14: Списки сотрудников и аспирантов Института. – Л. 102.

Литература

1. Научные кадры Ленинграда: структура кадров и социальные проблемы организации труда / Под ред. С.А. Кугеля, Б.Д. Лебина, Ю.С. Мелешенко. – Л.: Наука, 1973. – 183 с.
2. Гришина Н.В. Ученицы, слушательницы, почитательницы... Женщины в мире «мужской» науки (в конце XIX – начале XX в.) // Мир историка: Историограф. сб. / Под ред. В.П. Корзун и др. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. – Вып. 4. – С. 8–28.
3. Хорина В. Первые российские исследовательницы религии и их научное наследие // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2018. – Т. 36, № 1. – С. 125–144. – doi: 10.22394/2073-7203-2018-36-1-125-144.
4. Валькова О.А. Штурмья цитадель науки: женщины-ученые Российской империи. – М.: НЛО, 2019. – 800 с.
5. Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. – М.: РГГУ, 2020. – 469 с.
6. Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. – СПб.: Гиперион, 2007. – 241 с.
7. Бухерт В.Г. «Необходимо укрепить изучение зарубежного Востока»: Л.А. Мерварт – сотрудница Института истории АН СССР. 1938 г. // Восточный архив. – 2017. – № 2. – С. 53–60.
8. Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2010. – 408 с.
9. Метель О.В. Эволюция «академического сектора» советской исторической науки в 1920–1960-е годы // Научный диалог. – 2020. – № 12. – С. 271–289. – doi: 10.24224/2227-1295-2020-12-271-289.
10. Удальцов А.Д. Очерк истории Социалистической академии (1918–1922 г.) // Вестн. Социалистической академии. – 1922. – № 1. – С. 13–37.
11. Факультет общественных наук (Ф.О.Н.) Первого Московского государственного университета / Под ред. В.К. Сережникова и др. – М.: Изд. Факультета и Деканата ФОНа I МГУ, 1925. – 281 с.
12. Перчёнок Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Ист. альманах. – М.: Прогресс; Феникс; Atheneum, 1991. – Вып. 1. – С. 163–235.
13. Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2014. – 357 с.
14. Пушкарева Н.Л. Женщины-историки в России 1810–1917 гг. // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История. – 2012. – Вып. 1. – С. 228–245.
15. Харчев А.Г., Голод С.И. Профессиональная работа женщин и семья: Социологическое исследование. – Л.: Наука, 1971. – 176 с.

Поступила в редакцию
14.02.2021

Метель Ольга Вадимовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник; доцент кафедры всеобщей истории

Российский государственный гуманитарный университет
пл. Миусская, д. 6, г. Москва, 125993, Россия
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
пр-т Мира, д. 55 а, г. Омск, 644077, Россия
E-mail: olgametel@yandex.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.55-66

Women Scientists in the Space of Soviet Academic History during the 1920s–1930s

O.V. Metel

Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993 Russia

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, 644077 Russia

E-mail: olgametel@yandex.ru

Received February 14, 2021

Abstract

The problem of women's participation in the organization of scientific research has sparked great interest over the recent years. In this paper, the problem of "women presence" in the historical academic institutions during the 1920s–1930s is discussed based on a wide range of historical sources: office documents, statistical materials, and sources of personal origin. The position of women scientists in the "old" academic structures and new "Marxist" academies in the 1920s is analyzed. New elements in the position held by women scientists at the Institute of History of the Academy of Sciences of USSR and at the Leningrad Branch of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR during the 1930s are considered. The results obtained lead to the conclusion that the active involvement of women historians in the work of the institutes of the Academy of Sciences of the USSR began only in the 1930s, when, in the context of the transformations of the "academic sector," women acquired more stable positions in the academic field. The position of women in the Soviet historical field (in the "academic sector") was influenced by the "conservative turn" in the middle of the 1930s, as well as by the insufficient qualifications and the difficulties in the establishing a stable system of education of historians in the USSR.

Keywords: Soviet science, women scientists, Academy of Sciences of USSR, Leningrad Branch of Institute of History, Soviet historians

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation (project no. 20-78-10095).

References

1. *Nauchnye kadry Leningrada: Struktura kadrov i sotsial'nye problemy organizatsii truda* [Academic Personnel of Leningrad: Staffing Structure and Social Problems of Labor Organization]. Kugel S.A., Lebin B.D., Meleshchenko Yu.S. (Eds.). Leningrad, Nauka, 1973. 183 p. (In Russian)
2. Grishina N.V. Women students, attendees, worshippers... Women in the world of "male science" (late 19th–early 20th centuries). In: *Mir istorika: Istoriograf* [A Historian's World: Historiographer]. Korzun V.P. et al. (Eds.). Omsk, Izd. OmGU, 2008, no. 4, pp. 8–28. (In Russian)
3. Khorina V. The first Russian women scholars of religion and their academic legacy. *Gosudarstvo, Religiya, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom*, 2018, vol. 36, no. 1, pp. 125–144. doi: 10.22394/2073-7203-2018-36-1-125-144. (In Russian)
4. Val'kova O.A. *Shturmuya tsitadel' nauki: Zhenshchiny-uchenye Rossiiskoi imperii* [Storming the Citadel of Science: Women Scientists in the Russian Empire]. Moscow, NLO, 2019. 800 p. (In Russian)
5. Dolgova E.A. *Rozhdenie sovetskoi nauki: uchenye v 1920–1930-e gg.* [The Birth of Soviet Science: Scholars in the 1920s–1930s]. Moscow, RGGU, 2020. 469 p. (In Russian)
6. Kaganovich B.S. *Russkie medievisty pervoi poloviny XX veka* [Russian Medievalists in the First Half of the 20th Century]. St. Petersburg, Giperion, 2007. 241 p. (In Russian)

7. Bukhert V.G. "It is necessary to promote the study of foreign Eastern countries": L.A. Mervart – a researcher of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR. *Vostochnyi Arkhiv*, 2017, no. 2, pp. 53–60. (In Russian)
8. Sveshnikov A.V. *Peterburgskaya shkola medievistov nachala XX veka. Popytka antropologicheskogo analiza nauchnogo soobshchestva* [St. Petersburg School of Medievalists in the Early 20th Century. An Attempt of Anthropological Analysis of the Academic Community]. Omsk, Izd. Omsk. Gos. Univ., 2010. 408 p. (In Russian)
9. Metel O.V. Evolution of the "academic sector" of Soviet historical science in the 1920s–1960s. *Nauchnyi Dialog*, 2020, no. 12, pp. 271–289. doi: 10.24224/2227-1295-2020-12-271-289.
10. Udal'tsov A.D. Essay on the history of the Socialist Academy (1918–1922). *Vestnik Sotsialisticheskoi Akademii*, 1922, no. 1, pp. 13–37. (In Russian)
11. *Fakul'tet obshchestvennykh nauk (F.O.N.) Pervogo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Faculty of Social Sciences (F.S.S.) of the First Moscow State University]. Serezhnikov V.K. et al. (Eds.). Moscow, Izd. Fakul'tkoma Dekanata FON'a I MGU, 1925. 281 p. (In Russian)
12. Perchenok F.F. The Academy of Sciences at the "great turning point". In: *Zven'ya* [Links]. Moscow, Progress, Feniks, Atheneum, 1991, no. 1, pp. 163–235. (In Russian)
13. Kaganovich B.S. *Evgenii Viktorovich Tarle. Istorik i vremya* [Yevgeny Viktorovich Tarle: A Historian and His Times]. St. Petersburg, Izd. Evr. Univ., 2014. 357 p. (In Russian)
14. Pushkareva N.L. Women historians in Russia during 1810–1917. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya: Istoriya*, 2012, no. 1, pp. 228–245. (In Russian)
15. Kharchev A.G., Golod S.I. *Professional'naya rabota zhenshchin i sem'ya: Sotsiologicheskoe issledovanie* [Professional Activities of Women and Family: A Sociological Research]. Leningrad, Nauka, 1971. 176 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Метель О.В. Женщины-ученые в пространстве советской академической исторической науки 20–30-х годов XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 3. – С. 55–66. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.55-66. ⟩

⟨ **For citation:** Metel O.V. Women scientists in the space of Soviet academic history during the 1920s–1930s. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 3, pp. 55–66. doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.55-66. (In Russian) ⟩